ВСТУПНЕ СЛОВО.

Сергій Секундант, д.філос.н., завідувач кафедри філософії та основ загальногуманітарного знання.

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ ЯК ІСТОРІЯ МИСЛЕННЯ.

Если обратиться к нашим учебникам по истории философии, то они больше напоминают историю метафизических систем, чем историю философской мысли. Этим мы обязаны немецкой классической философии, в которой во многом благодаря К.Л. Рейнгольду проблема системы вышла на первый план. Но даже Гегель, который стал рассматривать всю историю философии как становление его собственной системы, не смог при обосновании своего тезиса не обратиться к истории мышления. Актуальность такого подхода к истории философии объясняется еще и тем, что со времен «Писем о кантовской философии» К.Л. Рейнгольда философия превратилась в апологетику философских систем или своих собственных взглядов. В учебники по истории философии стали попадать преимущественно наиболее модные, но часто далеко не глубокие философы. Роль философии в обществе оказалась серьезно подорванной. Это привело к глубочайшему кризису современной философии, который выражается в субъективизме и релятивизме современной неклассической философии, в отрыве философии от научного и общественного прогресса. Основание этому кризису положили гегельянцы, введя в историко-философскую методологию принцип партийности (И.Э. Эрдманн). Этот принцип охотно подхватили марксисты. Рассматривая историю философии как борьбу двух мировоззренческих систем – идеалистической и материалистической, марксисты заимствовали у Гегеля также представление об истории философии как прогрессивном развитии философских систем, в котором каждая последующая система преодолевает ограниченность предыдущих, включая их в себя

в «снятом» виде. Все предшествующие системы фактически упраздняются в последней системе в качестве ее моментов, а последняя, марксистско-ленинская философия, выступает как закономерный итог развития философии. Что же касается тех философов, которые по принципиальным или иным соображениям не создавали систем, то они оказались на задворках истории. В лучшем случае им отводилась второстепенная роль. Большое число философов, многие из которых оказали решающее влияние на ход философской мысли, попали в разряд «маргинальных философов». Среди них оказались даже те философы, которые создавали системы, но их системы не стали модными или не попали в разряд «предшественников» великих систем, поскольку они не вписывались в диалектическую логику развития философии, предложенную Гегелем.

Хотя эта спекулятивная идея Гегеля стала предметом жесткой критики со стороны философов и историков философии, особенно из лагеря кантианцев, отказывавшихся признать как факт то, что Гегель и его предшественники (Фихте, Шеллинг) «преодолели» философию Канта, взгляд на историю философии как историю великих систем во многом был характерен и для неокантианской историко-философской традиции. Тяга философов к построению систем была вполне естественной. Она объяснялась отчасти систематическим характером самого философского мышления, его стремлением дать непротиворечивую и целостную картину мира, отчасти стремлением философов отыскать для своей философии надежную онтологическую базу, из которой можно было бы с уверенностью черпать аргументы, а отчасти задачами самой историографии философии, стремящейся ограничить предмет истории философии как науки определенными рамками и тем самым избежать размытости ее границ.

Но как философы, так и историки философии, независимо от того, хотели ли они или не хотели этого, обращались к мышлению и критическому анализу аргументов своих предшественников. Первым это необходимо было,

чтобы указать на ошибки, допущенные предшественниками при построении своих систем, и обосновать преимущества своей системы, а вторым – для понимания этих систем и правильной их критической оценки. Взгляд на историю философии как историю мышления является более древним и глубоким, чем взгляд на нее как историю систем. Он позволяет нам проникнуть в лабораторию творческой мысли философа, вскрыть глубинные мотивы и основания его философии, проследить логику его мысли и проверить надежность его аргументов. Для историка философии такой подход открывает новые огромные возможности с точки зрения усовершенствования методологии историко-философского исследования, вскрытия философских основ историко-философских концепций и поиска критериев для объективной оценки вклада того или иного философа в развитие философии. Последнее чрезвычайно важно, ибо история философии, если она претендует на статус науки, возможна только при условии объективной оценки вклада философа в общий прогресс философии. Историк философии оказывается перед выбором: либо отвергнуть идею прогресса в философии и тем самым признать, что не только история философии, но и сама философия не является наукой, либо отыскать объективные критерии для оценки вклада каждого философа в общий прогресс философии.

История философия как наука задумывалась ее основателями (Х.А. Хойманном и Я. Брукером) для того, чтобы обосновать возможность философии как науки. Они исходили из того, что философия не может постоянно начинать с самого начала, ограничиваться личным опытом и знаниям индивидуума, а, как и всякая наука, должна аккумулировать опыт предшественником. Она нуждается в некотором надежном базисе, в собственном опыте и таким опытом может стать только ее собственная история, но критически осмысленная. Идея философии как науки предполагает наличие единства и прогресса в философии. Для достижения желаемого единства важно показать, что философия прогрессивно движется к своей цели, которую эклектики и Гегель видели в достижении абсолютной истины. Но для этого нужно выявить вклад каждого

философа в познании этой истины. В этом состоит задача историка философии и истории философии как науки. Последняя должна не просто подготовить почву для философствования, но и сама стать предметом философствования.

Не отрицая важности социокультурного ареала, в котором формировалась и развивалась история философии, в качестве источника новых философских проблем, следует указать на важность самой истории философии как источника философских и особенно философско-методологических проблем. В этом отношении нужно признать неудачным слово «историография философии» для обозначения истории философии как науки. Историк философии не простой компилятор, который в позитивистском духе должен описывать взгляды философов. Задачи, которые эклектики поставили перед историками философии, не потеряли своей актуальности. Современная история философии по-прежнему используется философами для апологетики собственных взглядов. Классическая философия была отождествлена постмодернистами с метафизикой и отброшена как ненужная рухлядь.

История философии давно превратилась в галерею модных учений. Вопрос о синтезе многообразных точек зрения не ставится по простой причине: его считают не только невозможным, но и ненужным. Но проблема остается: мы не можем начинать с самого начала и некритически принимать любые точки зрения, претендующие на статус философских учений. Несмотря на многообразие жанров философской литературы и стилей философствования, философия никогда не была жанром художественной литературы. Философ всегда руководствовался какими-то критериями, создавая произведение, претендующее на значимость. И эти критерии отличались от тех, которыми пользуются литераторы. Пусть даже в рамках определенного жанра и стиля мышления, должны все же быть нормативные принципы и критерии, которыми руководствуются философы. Выявить их – одна из главных задач истории философии.

Не устарела и проблема синтеза. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы осуществить универсальный критический синтез философских систем, как это пытались сделать эклектики и Гегель, а о том, чтобы выявить логику развития философской мысли и выявить те нормативные принципы и критерии, которыми пользовались великие философы, оценить их с точки зрения актуальных задач современности и использовать наиболее эффективные из них для критической оценки учений. Они, безусловно, есть не только в индийской, но и европейской философии. В индийской философии, которая изначально выростала из традиции словесных поединков и развивалась в рамках заранее разработанной теории аргументации, это сделать, конечно, проще. Но это возможно и нужно, причем в гораздо большей степени, также для европейской философии. Это можно сделать, если смотреть на историю философии как историю мышления. Такой взгляд требует принципиально иной методологической базы, чем та, которой сейчас пользуются историки философии. И обнаружить ее мы можем только из единственного источника философского творчества – из самой истории философии.

История философии не должна служить апологетики тех или иных взглядов. Она принципиально отличается от идеологии, которая безразлична к истине. Такой взгляд неизбежно ведет к кризису. Превращение марксистами философии и истории философии в идеологию, призванную защищать интересы бюрократической верхушки «партии рабочего класса», - ярчайшее проявление этого кризиса философии. Выйти из этого кризиса можно только путем критического анализа мышления философов, ибо стереотипы этой идеологии до сих пор определяют сознание не только простых людей, но также политиков, ученых и философов. Чтобы преодолеть их, мы должны обратиться к анализу оснований, которыми руководствовались классики марксистско-ленинской философии, вскрыть их и дать критическую оценку. А это возможно сделать, только обратившись к истории философии, к тем аргументам, которые были выдвинуты за или против марксистской идеологии. Анализ

аргументации предполагает взгляд на историю философии как историю мышления. Этот взгляд лежит в основании других взглядов на историю философии, ибо без него невозможно никакое философское творчество, и никакая философская критика. Без него невозможен философский прогресс.